

*Н.Н. Изотова, Л.В. Жилина, И.П. Лебедева,
С.М. Ребрей, П.Э. Подалко*

Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО-Университет

23 января 2025 г. в МГИМО-университете прошел семинар Ассоциации японоведов на тему «Приближается ли Япония к гендерному равенству?». В данной публикации содержится стенограмма семинара.

Аннотация. В мировом рейтинге гендерного неравенства Всемирного экономического форума Япония опустилась с 80-го места в 2006 г. до 114-го в 2017 г. и 118-го в 2024 г. Хотя этот рейтинг весьма условен, он показывает, что проблема гендерного неравенства в стране далека от своего разрешения. Несмотря на значительный рост уровня образования японок, во многих сферах жизни их роль гораздо более скромна, чем роль мужчин. Еще с конца 1980-х г. правительство предпринимает меры для изменения ситуации, но кардинальных сдвигов пока не наблюдается. Гендерная асимметрия проявляется особенно остро в таких сферах, как экономика и политика. В то же время нельзя не видеть и огромных изменений, происходящих в обществе и прямо или косвенно влияющих на положение женщин. Это проявляется в отходе от привычных ценностей, традиционно воспринимаемых как основа формирования японского социума. Хотя по-прежнему сильны традиционализм в культуре и доминантные патриархальные маскулинные установки в общественном сознании, происходит пересмотр гендерных стереотипов и ролей. Брачно-семейные отношения постепенно теряют свою значимость, институт брака переживает определенный кризис, расширяется масштаб конфликтов между представителями разных поколений, наблюдается рост социальной апатии у молодых японцев, что проявляется, в том числе, в снижении их интереса к противоположному полу и заключению брака. Это приводит к падению рождаемости, повышению брачного возраста, сокращению числа детей в семье. Среди молодых японок растет доля тех, кто, получив хорошее образование, стремится к профессиональному росту, но это ставит их перед нелегким выбором — брак и семья или карьера, так как сочетать полноценную работу с бременем семейных обязанностей чрезвычайно сложно. С этим связана

модель участия японских женщин в экономике, характеризующаяся резким снижением среди них доли постоянных работников после 30 лет (возраста вступления в брак и рождения детей).

Ключевые слова: гендерное равенство, традиционные ценности, вименомика, кризис брака, семья.

Авторы: *Изотова Надежда Николаевна*, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID 0000-0002-2817-004X.

E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Жилина Лариса Владимировна, доцент Факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск, пр-т Мира 55-А). ORCID: 0000-0002-6337-3870. E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Лебедева Ирина Павловна, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

ORCID: 0000-0003-0273-2689. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Ребрей Софья Михайловна, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 119454 Москва просп. Вернадского д. 76. ORCID: 0000-0002-6244-4497. E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Подалко Петр Эдуардович, профессор Университета Аояма гакуин (Токио, Япония). E-mail: ppodalko@aoyamagakuin.jp

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Изотова Н.Н., Жилина Л.В., Лебедева И.П., Ребрей С.М., Подалко П.Э. Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО-Университет // Японские исследования. 2025. № 2. С. 130—160.

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-130-160.

N.N. Izotova, L.V. Zhilina, I.P. Lebedeva, S.M. Rebrey, P.E. Podalko

Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University

Abstract. In the world ranking of gender inequality by the World Economic Forum, Japan fell from the 80th place in 2006 to the 114th in 2017 and the 118th in 2024. Although this ranking is somewhat arbitrary, it shows that the problem of gender inequality in the country is far from being resolved. Despite the significant increase in the level of education of Japanese women, in many areas of life, their role is much more modest than that of men. Since the late 1980s, the government has been taking measures to change the situation, but, so far, there has been no drastic progress. Gender asymmetry is particularly acute in areas such as economics and politics. At the same time, it is impossible not to see the huge changes taking place in society and directly or indirectly affecting the position of women. This is manifested in a departure from the customary values, traditionally perceived as the basis for the formation of Japanese society. Although there is still strong traditionalism in culture and dominant patriarchal masculine attitudes in the public consciousness, a revision of gender stereotypes and roles is taking place. Marital and family relations are gradually losing their importance, the institution of marriage is experiencing a certain crisis, the scale of conflicts between representatives of different generations is expanding, and there is an increase in social apat-

hy among young Japanese, which is manifested, among other things, in a decrease in their interest in the opposite sex and marriage. This leads to a drop in the birth rate, an increase in the age of marriage, and a reduction in the number of children in the family. Among young Japanese women, the proportion of those who, having received good education, strive for professional growth, is growing, but this presents them with a difficult choice — marriage and family, or career, since it is extremely difficult to combine a full-fledged job with the burden of family responsibilities. This situation manifests itself in the pattern of Japanese women's participation in the economy, characterized by a sharp decline in the proportion of permanent workers among them after the age of 30 (the age of marriage and childbirth).

Keywords: gender equality, traditional values, womenomics, marriage crisis, family.

Authors: *Izotova Nadezhda N.*, Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, Moscow State Institute of International Relations (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2817-004X.

E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Zhilina Larisa V., PhD (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, F.M.Dostoevsky Omsk State University (Russia. Omsk Mira Str. 55-A). ORCID: 0000-0002-6337 3870. E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia 103031 Moscow, Rozhdestvenka Street, 12. ORCID: 0000-0003-0273-2689. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Rebrey Sofia M., PhD (Economics), Associate Professor, World Economy Department, MGIMO University, Moscow (Russia) For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76. ORCID: 0000-0002-6244-4497.

E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Podalko Pyotr E., Professor of the School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin University (Tokyo, Japan).

E-mail: ppodalko@aoyamagakuin.jp

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Izotova, N.N., Zhilina, L.V., Lebedeva, I.P., Rebrey, S.M., Podalko, P.E. (2025). Stenogramma seminara Assotsiatsii yaponovedov «Priblizhaetsya li Yaponiya k gendernomu ravenstvu?», 23 yanvarya 2025 g., MGIMO-Universitet [Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 130—160. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-130-160.

Д.В. Стрельцов

Дорогие коллеги, сегодня мы проводим семинар, посвященный гендерной ситуации в современной Японии. В ходе нашего семинара мы обсудим следующие вопросы: изменяются ли гендерные роли и ожидания в японской семье, а если да, то куда идет процесс пересмотра гендерных стереотипов в японском обществе? Меняются ли взгляды современных японок на брак/семью и на рождение детей и расходятся ли общественные ожидания и личные взгляды японских женщин на замужество? Переживает ли кризис институт семьи в контексте про-

блемы гендерного неравенства? Каково сегодня экономическое положение японских женщин? Сохраняются ли традиционные установки и предубеждения в отношении женщин на рабочих местах? Меняются ли условия системы пожизненного найма с учетом гендерной ситуации на рынке труда? Есть ли прогресс в решении проблемы карьерного роста для женщин в японских компаниях, в том числе с учетом нехватки рабочей силы и постарения японского общества? Наконец, улучшается ли ситуация с гендерным неравенством в общественной и политической жизни страны?

В ходе семинара выступают следующие наши коллеги, занимающиеся темой гендерного неравенства в Японии. Это Изотова Надежда Николаевна, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО-университета; Жилина Лариса Владимировна, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского; Лебедева Ирина Павловна, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН; Ребрей Софья Михайловна, доцент кафедры мировой экономики МГИМО-университета; Подалко Петр Эдуардович, проф. Университета Аояма гакуин.

Н.Н. Изотова

Уважаемые коллеги! Большое спасибо за предоставленную возможность принять участие в семинаре Ассоциации японоведов. Тема моего доклада: «Трансформация гендерных стереотипов в японском обществе: социокультурный аспект».

Актуальность исследования гендерного дискурса обусловлена возрастанием темпов трансформации современных обществ, динамикой происходящих в них процессов. Именно гендерные отношения и сексуальность в настоящее время находятся в центре повестки дня, поскольку на них экстраполируются многие более масштабные и серьезные проблемы.

В условиях мультикультурности наиболее остро встает проблема самоопределения человека: диффузный, подвижный характер идентификации? распространяется на такие формы идентичности, как гендерная. Легитимизация возможности изменения пола или сексуальной ориентации позволяет говорить о выходе за пределы традиционных бинарных категории? гендера «мужчина—женщина» и переосмыслении отношения к норме и маргинальности различных типов гендерной идентичности.

Говоря о гендерных стереотипах, необходимо подчеркнуть, что они представляют культурно и социально обусловленные мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. Таким образом, гендерные стереотипы, воплощаясь в общественном сознании, отражают набор характеристик, приписываемых определенному полу.

Какова же их роль в социокультурной жизни общества? Прежде всего, они регламентируют образ жизни и оказывают влияние на вербальную коммуникацию. Кроме того, аккумулируя этические принципы и систему ценностей, ген-

дерные стереотипы влияют на уклад и распределение социальных ролей в обществе, общую культурную и политическую ситуацию в тот или иной исторический период, тем самым во многом определяют своеобразие национальной культуры. Подчеркнем, что трансформация гендерных стереотипов в любой культуре свидетельствует о глубоких внутренних изменениях ее ценностно-смыслового ядра, национального сознания.

Прежде чем перейти к анализу гендерных стереотипов в современном японском обществе, разрешите представить краткий исторический экскурс трансформации гендерных отношений и стереотипов.

Различные временные периоды истории диктовали свои нормативные представления о гендерном поведении и гендерной идентификации. На каждом этапе истории Японии характер гендерных отношений детерминировался уровнем социокультурного развития. В древности Япония была матриархальным обществом, семейная собственность переходила по наследству женщинам.

В эпоху Камакура (1185—1333) и Муромати (1333—1568) получила распространение система *ка* *из* (иероглиф 家 *из* имеет два значения: «дом» как жилое здание и «семья» — сообщество людей, проживающих вместе), которая привела к четкой дихотомизации мужского и женского, доминированию мужчин во всех сферах общественной жизни.

Система *из* представляла разветвленный семейный уклад, включающий не только членов одной семьи, но и их слуг, наемных работников и т. п., в давние времена она могла составлять население всей деревни.

В эпоху Эдо (1603—1868) под влиянием конфуцианства, ставшим официальной религией сёгуната Токугава, социализация стала всецело предопределяться сословной и гендерной принадлежностью. Женщинам предписывалось следовать «шести конфуцианским добродетелям»: послушанию, чистоте, доброжелательности, бережливости, скромности и усердию. Широкое распространение получил постулат учения Конфуция: «мужчина вне и женщина внутри», предполагавший участие мужчин в общественной и политической жизни, заботу о материальном обеспечении семьи, роль женщины сводилась к заботе о детях и ведению домашнего хозяйства.

В 1717 г. был опубликован трактат, касающийся воспитания женщин — *女大学 онна дайгаку* «Великое учение для женщин». Исследователи приписывают его Каибара Экикэн (1630—1714), выдающемуся конфуцианскому ученому, философу, ботанику, автору известных медицинских трактатов.

«Великое учение для женщин» окончательно закрепило гендерную асимметрию в приватной и публичной сферах. Основная мысль трактата — женщина должна подчиняться мужчине, а ее деятельность не может выходить за пределы дома. Мир женщины, таким образом, замыкался на домашних обязанностях, которые ей следовало выполнять всю жизнь, а также на рождении и воспитании детей. Муж уподоблялся небу: «Женщина должна смотреть на своего мужа так, будто он является самым Небом».

В эпоху Мэйдзи (1868—1912) была введена система обязательного образования для мужчин и женщин — женщины должны были не просто подчиняться супругу, как это было в эпоху Эдо, но служить ему опорой не только в домашних

делах, но и в воспитании детей и в продвижении по службе. Однако образование для мужчин и женщин было далеко не равноценным, занятия в женских школах были ориентированы главным образом на обучение ведению домашнего хозяйства.

В это время вошло в обиход выражение 良妻賢母 *рёсайкэмбо*, которое означает «хорошая жена и разумная мать». Оно не так распространено сегодня, но прочно укоренилось в подсознании японцев, оказывая влияние на традиционные полоролевые паттерны: работающий мужчина и женщина, занимающаяся домашним хозяйством.

Равные права независимо от пола японцам были гарантированы только после Второй мировой войны конституцией 1946 года.

Современный этап развития японского общества характеризуется трансформацией системы ценностей, размыванием традиционной японской идентичности. Сложный комплекс демографических, социально-экономических и социокультурных факторов оказывает влияние на трансформацию гендерных отношений? и стереотипов, представляющих конгломерат традиционных и эгалитарных взглядов.

За последние десятилетия произошел массовый приток женщин на рынок труда, что связано с резким сокращением рабочей силы и падением рождаемости. Еще в начале XXI в. количество семей, где работают оба супруга, превысило количество семей с одним кормильцем. Согласно статистическим данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, в 2024 г. женщины составляли 54,2 % работающего населения страны.

Несмотря на усилия, предпринимаемые правительством для стимулирования развития экономики путем привлечения все большего числа женщин на рынок труда, гендерная асимметрия в японском обществе остается большой проблемой. В «Глобальном докладе о гендерном неравенстве», опубликованном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) 12 июня 2024 г., Япония заняла 118-е место среди 146 стран. Хотя ситуация несколько улучшилась по сравнению с предыдущим годом, и Япония поднялась на 7 пунктов, она по-прежнему занимает самое низкое место в рейтинге среди стран «Большой семерки» и даже не вошла в первую сотню.

В сфере участия женщин в политической жизни Япония все еще значительно отстает от других стран и находится на 113 месте. В палате представителей 73 женщины, в правительстве Исиба Сигэру женщины получили лишь два поста: министра по проблемам низкой рождаемости, который заняла Михара Дзюнко, и министра образования, культуры, спорта, науки и технологий, на который назначена Абэ Тосико. На рейтинг также повлиял тот факт, что за последние 50 лет женщины ни разу не становились премьер-министрами.

В области экономического положения из-за разницы в доходах мужчин и женщин и соотношения между полами на руководящих постах Япония занимает 120-е место, а в сфере образования — 72-е место.

Что же мешает продвижению женщин в политике? На наш взгляд, гендерные паттерны и стереотипы. В японском обществе доминирует предубеждение о том, что «политика — сугубо мужское дело». Если женщина демонстрирует типично

мужское поведение, она лишается симпатии избирателей, отдающих свой голос за нее как за представительницу слабого пола.

Изменение ориентации личности на внесемейные ценности сопровождается отчуждением, приводит к распространению эгоистических одиночно-коммунальных форм существования. Проблема сокращения рождаемости — 少子化 (*сё:сика*) — становится все более острой.

В 2024 г. в Японии зафиксировано самое низкое число новорожденных за всю историю учета статистики рождаемости с 1899 г.: 687 тыс. 80 человек, что на 40 тыс. 208 новорожденных меньше, чем в 2023 г. Количество рождений находится на уровне ниже миллиона девятый год подряд (с 2016 г.). Показатель фертильности составил 1,15, и это один из самых низких показателей в мире.

При этом, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии за 2024 г., численность жителей старше 65 лет составляет 36 млн 250 тыс. человек, более 29,3 % населения Японии. По прогнозам, общая численность населения Японии к 2050 г. сократится до 104 млн 68 тыс. человек. Каждый четвертый житель Японии будет старше 75 лет. Если эта тенденция сохранится, Япония в 2050 г. будет представлять собой общество, в котором один человек трудоспособного возраста содержит одного ребенка и одного пожилого человека.

Ежегодно повышается возраст вступления в брак — в 2024 г. у мужчин он составил 31 год, у женщин — 29,5 года.

Раньше «срок годности» женщин для брака сравнивали с рождественским тортом: «Лучше всего выходить замуж до 24 лет, 25 — еще ничего, потом — уже объедки», т. е. общественное давление принуждало женщин выходить замуж как можно раньше. Женщин, которые рожают первого ребенка в возрасте 35—40 лет, становится все больше. Эта тенденция снижает возможности для рождения второго и третьего ребенка и ведет к дальнейшему снижению рождаемости.

С 1969 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту т.н. 熟年離婚 (*дзюкунэн рикон*, букв. «разводов в зрелом возрасте») среди супружеских пар в возрасте 50—60 лет, проживших вместе более 25 лет. Примечательно, что, как правило, инициаторами таких разводов становятся женщины. В 2024 г. доля таких разводов составила 19 %.

Данные тенденции свидетельствуют о том, что прежняя нуклеарная семья, характерная для индустриального общества, оказалась в кризисном состоянии. Разрушение системы пожизненного найма, упадок японской системы управления, размывание моральных устоев привели к трансформации традиционных патриархальных полоролевых стереотипов.

Все больше одиноких мужчин и женщин в Японии не хотят вступать в брак, считая семейную жизнь обузой. Согласно опросу, проведенному компанией Recruit в сентябре 2023 г., процент неженатых японцев в возрасте от 20—49 лет, ответивших, что они «в настоящее время находятся в отношениях», составил 29,7 %. Доля респондентов, которые никогда не состояли в отношениях, составила 34,1 %, что является самым высоким показателем с момента начала проведения этого опроса. Только 49,3 % женщин и 43 % мужчин планируют в будущем вступить в брак. Наиболее распространенной причиной, по которой 40,5 % жен-

щин не хотят выходить замуж, было то, что это «ограничивает деятельность и образ жизни», тогда как основной причиной, которую назвали 42,5 % мужчин, была «потеря финансовой свободы». 45 % респондентов считают жизнь без брака «более спокойной».

По данным Национальной переписи населения, проводимой раз в пять лет, в 2022 г. 29 млн 73 тыс. человек (27,5 % от общего числа лиц в возрасте 15 лет и старше) никогда не состояли в браке. Число неженатых мужчин составило 16 млн 639 тыс. (31,9 %), а незамужних женщин — 13 млн 9 тыс. (23,3 %). Ожидается, что в будущем этот показатель будет расти, и нормой станет образ жизни «никогда не состоявших в браке».

В наши дни стираются границы между мужскими и женскими гендерными стереотипами: с точки зрения японских женщин, неженатых мужчин, которые в состоянии создать семью по традиционному образцу и обеспечить ей достойное существование, катастрофически мало.

Автор бестселлера «Травоядные мужчины меняют Японию» Усикубо Мэгуми считает, что в той или иной степени к таковым можно отнести до 2/3 японцев в возрасте от 20 до 34 лет. «Травоядные» считают роль, которая традиционно отводилась мужчинам, слишком обременительной, они не готовы брать на себя финансовые расходы, ухаживая за девушками, и обеспечивать будущую семью.

Японский социолог Ямада Масахиро, занимающийся гендерными исследованиями, ввел в научный оборот термин パラサイト・シングル *парасайто сингуру* («паразит-одиночка») и определил данное явление как форму социального паразитизма. Согласно статистическим данным, 75 % процентов одиноких мужчин и 70 % одиноких женщин живут с родителями.

Как отмечает исследователь, «паразиты-одиночки», неженатые молодые люди старше 20—30 лет, живущие с родителями, наносят ущерб экономике страны. Они тратят деньги только на хобби и развлечения, и даже имея нестабильный доход, могут позволить себе вести достаточно комфортный образ жизни.

Профессор Института социологии (ISS) Токийского университета Гэнда Юдзи привлек внимание еще к одной серьезной социокультурной проблеме японского общества — одиноким безработным людям. Он назвал их СНЭП (SNEP) (англ. Solitary Non-Employed Persons). SNEP — это человек в возрасте от 20 до 60 лет, который нигде не работал и никогда не состоял в браке. Его постоянное окружение сводится к членам семьи либо он все время проводит в одиночестве. Число таких людей неуклонно растет. Трое из каждых четырех SNEПов живут с родителями и родственниками, причем даже не пытаются искать работу.

В японском обществе в последние годы активизировалась движение против гендерного детерминизма, за признание прав сексуальных меньшинств.

Необходимо отметить, что исторически к мужской гомосексуальности в Японии относились лояльно. В отличие от христианской и мусульманской культур, в Японии никогда не было жесткого религиозного запрета на гомосексуализм, геи не становились объектами агрессии и не преследовались законом.

Несмотря на толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, Япония — единственная страна в «Большой семерке», не одобрявшая закон, разрешающий однополые браки.

В 2015 г. муниципалитет токийского района Сибуя принял постановление о признании однополых отношений «эквивалентных браку». Однополым парам стали выдавать специальные «сертификаты партнерства», которые признаются некоторыми страховыми компаниями и дают им возможность получать те же административные услуги, что и членам обычных семей. По состоянию на июнь 2024 г., систему партнерства внедрили в 459 местных органах власти. Количество сертификатов по состоянию на 31 мая составило 7351.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в современном японском обществе трансформация традиционных гендерных ценностей носит глобальный характер. Традиционализм в культуре и доминантные патриархальные маскулинные установки сочетаются с пересмотром гендерных стереотипов и ролей. Брачно-семейные отношения постепенно теряют свою значимость: процесс «демаскулинизации» гендерных норм влечет за собой утрату институтом семьи своих традиционных признаков. Об этом свидетельствуют снижение рождаемости, увеличение брачного возраста, нежелание все большего числа японских женщин жертвовать карьерой ради семьи. Кроме того, деструктуризации традиционной модели семьи способствует движение за сексуальное равноправие, пропаганда нетрадиционных типов семейных отношений, рост приверженцев однополых браков. Несмотря на усилия правительства, проблема гендерной асимметрии, связанная с меньшим, чем в других развитых странах, участием женщин в экономической и политической жизни, остается острой.

Л.В. Жилина

За последние несколько столетий институт брака в Японии радикально изменился. Исследования показывают, что основным социальным институтом, на котором вызовы глобализации сказываются в первую очередь, оказывается семья — это происходит из-за социального отчуждения, ослабления поддержки молодого поколения семьями. Эти изменения отражают новые социальные реалии, влияние других культур и часто являются результатом урбанизации и социальной раздробленности, проявляющейся как в нуклеарных семьях, так и в семьях с одним родителем. Современная Япония также столкнулась с беспрецедентной проблемой, которая оказывает заметное влияние на все общество: наблюдается заметное снижение числа людей, вступающих в брак. Правительство ломает голову, пытаясь найти ответы и решения этой проблемы. Так что же привело к изменению отношения японских женщин к браку?

Согласно данным, опубликованным Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии, число детей, рожденных в стране в 2023 г., упало до рекордно низкого уровня. Приведенные министерством данные свидетельствуют о том, что эта тенденция вряд ли изменится в ближайшее время (данные приведены в таблице). Если ситуация будет развиваться такими темпами и дальше, то доля молодых в общей численности населения страны снизится до критического уровня, а это, в свою очередь, сделает практически невозможным поддержание

темпов естественного прироста населения. Но отрицательных последствий, как мы понимаем, окажется куда больше.

Например, в Токио суммарный коэффициент рождаемости — среднее число детей, которых женщина рождает за свою жизнь — в 2023 г. вообще упал ниже 1(!), до 0,99, самого низкого показателя среди 47 префектур Японии. В Японии рождаемость находится в зависимости от числа заключенных браков, поскольку здесь глубоко укоренилось мнение, что иметь ребенка — это прерогатива исключительно семейных пар (хотя и заключенный брак не гарантирует напрямую желание/возможность обзавестись потомством, в Японии немало пар, предпочитающих брак *child-free*).

Компания *Biglobe Inc.* провела онлайн-опрос 12—14 сентября 2024 г. 60,6 % респондентов из поколения Z заявили, что «согласны с тем, что можно никогда не вступать в брак». Наибольший процент (62,0 %) был среди респондентов в возрасте 25—29 лет.

Что касается препятствий для брака, то по результатам опроса, опубликованного *Mainichi* в августе 2024 г., наиболее распространенными ответами были «отсутствие возможностей встречаться с потенциальными партнерами» (42,7 %) и «финансовые проблемы» (доход, занятость, расходы на жилье, погашение студенческих кредитов, расходы на образование и т. д.) (36,7 %). Помимо этих двух пунктов, наиболее частыми ответами были «возможность перевода по службе, требующая переезда в другой город» (20 %) и, у неженатых мужчин, «отсутствие лиц противоположного пола на работе» (19,4 %). Несомненно, несоответствие между числом доступных одиноких мужчин с высоким доходом и числом женщин, ищущих таких мужчин, также способствовало усложнению поиска партнера для брака. Незамужними женщинами были названы такие препятствия на пути к браку, как «увеличение бремени домашней работы и ухода за детьми» (29,5 %) и «тревога в связи с тем, что брак помешает карьере» (17,4 %).

Пандемия COVID-19 также привела к сокращению числа браков: из-за пандемии молодые люди в возрасте 20—30 лет больше, чем другие, оказались обеспокоены гарантиями занятости и ухудшением перспектив получения дохода, что, в свою очередь, сделало их менее (чем до пандемии) оптимистичными в отношении создания семьи. Количество зарегистрированных в 2021 г. браков в Японии сократилось на 12,3 % (до 525 490), что стало послевоенным рекордом.

В современных исследованиях можно найти два основных объяснения различного воздействия пандемии на мужчин и женщин. Первое — это гендерные различия в отраслевом и профессиональном составе рабочей силы: непропорционально больше женщин работают на позициях, которые требуют большего межличностного контакта. и заняты работой, которая не может выполняться удаленно. Именно профессиональной и отраслевой структурой гендерной занятости можно объяснить значительную часть гендерного разрыва в уровне безработицы.

Второе объяснение — возросшие обязанности женщин по уходу за детьми. Несмотря на то, что эксперты в полной мере все еще не оценили влияние пандемии на потерю работы именно женщинами, в своих исследованиях они отмечали следующее. В большинстве случаев в Японии гендерные роли по-прежнему чет-

ко разделены — именно матери несли основное бремя совмещения удаленной работы и ухода за детьми и продолжали брать на себя 80 % домашней работы. Заккрытие школ не только лишило детей возможности обучения, но и увеличило нагрузку на родителей по уходу за ними. Хотя в этот период и произошел резкий всплеск количества оплачиваемых отпусков, на которые были выделены государственные субсидии («на ликвидацию последствий закрытия школ»), но это не особо изменило существующую ситуацию для самих женщин.

Известно, что современные японские родители более благосклонно, чем прежде, относятся к **образованию** девочек. Например, в 2018 г. уже 61 % (по сравнению с 22 % в 1973 г.) японцев хотели, чтобы их дочери получили университетское образование. Несмотря на ограничения в карьере, с которыми сталкиваются японские женщины, необходимо отметить, что многие из них все же поступают в престижные университеты и стремятся сделать карьеру. Текущая статистика, представленная на сайтах ведущих университетов, показывает, что хотя число студенток и растет, но по-прежнему их меньше, чем студентов-мужчин.

Тем не менее, можно утверждать, что получение хорошего образования стало шагом к получению финансовой независимости молодых японок. Результатом этого становится изменение их образа мышления. В наши дни все больше незамужних японок бросают вызов устоявшимся социальным нормам, связанным с домашними обязанностями, и, как их западные сестры, предпочитают оставаться одиночками и уделять время своим личным приоритетам, тратить свою энергию на личные увлечения (спорт, кулинария, танцы и т. д.), а также на путешествия по стране и за рубежом.

Считается, что беспрецедентное количество женщин, поступающих в высшие учебные заведения, и их дальнейшее трудоустройство являются основными причинами откладывания брака или полного отказа от него. То, что повышение образовательного уровня японок в итоге негативно отражается на браке, подтверждается и проведенными исследованиями: выпускницы вузов, которые не находят партнера с аналогичным образованием во время учебы, как правило, не выходят замуж за мужчину с более низким уровнем образования и остаются незамужними. Таким образом, повышение образовательного уровня женщин сопровождается постепенным сближением предпочтений мужчин и женщин в отношении желаемых характеристик партнеров и увеличением доли браков, в которых оба супруга имеют одинаковый уровень образования. Иными словами, получение образования для японок, хотя и означает большую независимость и финансовую самостоятельность, снижает привлекательность брачного рынка и сокращает шансы выйти замуж.

После принятия в 1986 г. женщины, стали все активнее посвящать себя карьере. Однако хотя японки и добились заметного прогресса в поиске своей новой идентичности, в обществе все еще сохраняются глубоко укоренившиеся стереотипы о том, что женщины в первую очередь должны посвящать себя дому, а не работе.

И мужчины, и женщины обычно рассматривают **карьеру** как препятствие для брака. Однако женщины больше, чем мужчины, обеспокоены финансовыми вопросами семьи. Япония была одной из немногих развитых стран, где гипотеза

экономической независимости Беккера¹ показала отрицательную связь между экономическими перспективами женщин и браком. Напротив, в западных странах заработки женщин положительно связаны, если вообще связаны, с браком и этим подтверждают теорию Валери Оппенхэймер²: женщины с низким уровнем образования (доходов) вступают в брак в более раннем возрасте, но отношения чаще заканчиваются разрывом, поэтому значительную часть взрослой жизни они проводят без партнера.

Сравнительные исследования по вопросам брака показывают, что заработки женщин отрицательно коррелируют с браком в обществах, где брак основан на типе семьи «мужчина-кормилец», в то время как заработки женщин оказывают положительное или нулевое влияние на брак в обществах, где экономические роли более равномерно распределены между супругами.

Обнаруживается отрицательная связь между финансовым благосостоянием женщин и их стремлением к браку в Японии, где традиционные гендерные отношения все еще остаются сильными. Это связано с тем, что брак и полноценная работа здесь часто несовместимы. Японские женщины с более высоким уровнем дохода с меньшей вероятностью будут планировать замужество, чем женщины с более низким уровнем дохода.

Повысив собственную самооценку, японки стали по-другому оценивать мужчину как партнера, предъявляя к нему новые требования. По мере того, как женщины становились все более финансово независимыми, снижалась их мотивация искать партнера исключительно по финансовым причинам. Это стало одним из наиболее заметных социальных изменений, связанных с более поздним вступлением в брак и сокращением числа браков в Японии.

В последние годы незамужним женщинам стало проще получать удовольствие от жизни в одиночестве: появились караоке-бары с отдельными комнатами, рестораны для тех, кто обедает в одиночку, различные косметические услуги для женских групп и капсульные отели только для женщин. Представления о том, что можно жить в одиночестве (или с родителями) и наслаждаться жизнью, становятся все более распространенными и социально приемлемыми.

По мнению исследователей, наблюдается значительное несоответствие в отношении к браку и **рождению детей** между японскими одиночками женщинами и мужчинами: мужчины, как правило, верят в важность брака, а также в значимость рождения детей в супружеской жизни, в то время как женщины сообщают о более либеральном отношении к браку и семье. Но примечательно, что именно женщины, несмотря на их менее традиционное отношение к браку и рождению детей, показывают в опросах более серьезные брачные намерения по сравнению с мужчинами. Также у женщин более сильное желание иметь детей, чем у муж-

¹ Рациональный экономический выбор, основанный на личных интересах, управляет большинством аспектов человеческого поведения, а не только решениями о покупках и инвестициях, которые традиционно считаются влияющими на экономическое поведение. Согласно экономическому подходу, человек решает вступить в брак, когда ожидаемая полезность брака превосходит ожидаемую полезность холостой жизни или же дополнительные издержки.

² Oppenheimer V.K. Women's Employment and the Gain to Marriage. The Specialization and Trading Model // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 431—453.

чин. Сочетание менее традиционных взглядов на брак и семью, но сильных брачных намерений, а также общая тенденция к более позднему вступлению в первый брак, предполагает, что для некоторых японских женщин существуют определенные препятствия в вопросах заключения брака. Например, одинокие японки называли препятствием для брака отсутствие согласия между супругами относительно трудоустройства супруги после вступления в брак. В свою очередь, мужчины, как правило, больше, чем женщины, обеспокоены влиянием занятости матери на воспитание ребенка. Учитывая трудности с сохранением полной занятости в браке из-за бремени домашних дел и ухода за детьми, незамужние женщины рассматривают согласие супруга относительно ее занятости как ключевой элемент при принятии решения о вступлении в брак. Традиционные аспекты брака и семейной жизни также не очень привлекательны для одиноких женщин, особенно тех, кто имеет высшее образование. В частности, эти женщины предпочли бы, чтобы их муж играл более активную роль в воспитании детей. Женщины более (чем мужчины) склонны искать брачные отношения, основанные на товариществе, а не на традиционных гендерных ролях.

Еще один аспект низкой рождаемости связан с **корпоративной культурой**. Как уже упоминалось, в Японии женщины несли и по-прежнему несут большую часть бремени ухода за детьми, что препятствует реализации гендерного равенства в стране. Хотя и мужчины, и женщины могут брать отпуск по уходу за ребенком до достижения им одного года и продлить его до 2 лет, если на это существует уважительная причина (например, если родители не могут найти детский сад для ребенка), по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, отпуск по уходу за ребенком берут 80 % женщин и всего 12,65 % мужчин. Такое положение дел, прежде всего, связано с атмосферой, которая складывается непосредственно в компании (на рабочем месте) и затрудняет использование права на отпуск по уходу за ребенком, а также с отсутствием понимания со стороны компании и ее руководства того, что необходимость брать такой отпуск возникает и у сотрудников-мужчин. Система предполагает преданность и самопожертвование. И поскольку компания обещает выполнять свою часть сделки, ее сотрудники чувствуют необходимость отвечать взаимностью.

В июне 2021 г. был пересмотрен Закон об отпуске по уходу за ребенком. В него были добавлены пункты, направленные на то, чтобы побудить сотрудников-мужчин брать «декретный отпуск», и внесены дополнения, которые должны улучшить условия труда семейных японцев независимо от того, работают они на малых, средних или крупных предприятиях. Также с апреля 2022 г., работники, сообщающие о беременности супруги, информируются о «системе поддержки», на которую они могут рассчитывать, и затем «в индивидуальном порядке» могут подтвердить свое намерение взять «декретный отпуск» до 4-х недель (его можно брать двумя частями). Кроме того, Министерство здравоохранения, труда и благосостояния учредило «Премии компании *Iku-men*» и «Премии компании *Iku-boss*» («*iku*» — воспитывать ребенка) для поощрения отдельных лиц и компаний, которые создают условия для достижения баланса между уходом за детьми и работой. Кроме того, компании должны будут обнародовать сведения о сотрудниках-мужчинах, которые взяли отпуск по уходу за ребенком. Ожидается, что та-

кая информация станет частью ее социальной репутации. В желании поддержать молодых пап в Японии пошли еще дальше, создав НКО «Отцовство в Японии», которое осуществляет проект «Спасибо, папа» (*Thank You Dad Project*).

В заключение хотелось бы сказать, что для того, чтобы стимулировать интерес женщин к вступлению в брак, социальные и культурные нормы в Японии должны измениться в сторону большей открытости и приемлемости полноценной трудовой карьеры для женщин. Как мы видим, снижение рождаемости в Японии является результатом двух основных факторов: ограничений, налагаемых гендерными ролями в семье, и ограничений, налагаемых ожиданиями на рабочем месте. Жесткость этих ожиданий заставляет женщин чувствовать, что они могут выполнять только одну роль — роль матери семейства. Японки, пользующиеся социальными и экономическими преимуществами своего образовательного уровня и незамужнего статуса, не будут так легко отказываться от своей новообретенной свободы ради выполнения традиционных ролей жены и матери. Необходимы изменения в трудовой политике и корпоративной культуре, которые приведут к признанию в обществе необходимости гендерного равенства и поддержки ухода за детьми обоими родителями, что, в свою очередь, станет гарантией того, что и мужчинам, и женщинам, наконец, удастся сбалансировать свою работу и семейную жизнь.

И.П. Лебедева

Судя по позициям Японии в международных рейтингах, проблема гендерного неравенства в стране весьма далека от разрешения. Как показывают данные The Global Gender Gap Report Всемирного экономического форума, за последние два десятилетия позиции Японии не только не улучшились, но даже ухудшились: по общему индексу неравенства она опустилась с 80-го места в 2006 г. до 114 -го в 2017 г. и 118-го в 2024 г.

Нужно с осторожностью относиться к этому рейтингу и иметь в виду, что эти показатели условны. Во-первых, индекс Всемирного экономического форума не учитывает уровень социально-экономического развития страны, а лишь измеряет степень гендерного неравенства в разных областях. Совершенно очевидно, что жизнь японок далеко не так тяжела и драматична, как жизнь женщин в соседствующих с ней в рейтинге азиатских и африканских государствах. Во-вторых, на ухудшение позиций Японии в 2024 г. повлияло изменение методики расчета субиндекса «здоровье, продолжительность жизни». Если раньше при подсчете учитывалась ожидаемая продолжительность жизни, и Япония занимала первое место, то ее смещение на 58 место в 2024 г. произошло из-за перехода к расчетам по продолжительности здоровой жизни и соотношению между полами среди новорожденных младенцев (оба показателя вызывают определенные сомнения с точки зрения измерения гендерного неравенства).

Индекс гендерного неравенства представляет собой среднее арифметическое четырех субиндексов — «экономическая активность и возможности», «доступность образования», «здоровье, продолжительность жизни», «участие в полити-

ке». И среди них наихудшие позиции — 120 место в 2024 г. — Япония заняла именно по субиндексу «экономическая активность и возможности». Более конкретно о гендерных разрывах в экономике можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1. Показатели гендерного неравенства в экономической сфере (2024 г.)

	Место Японии	Значения субиндекса и индикаторов	Показатели для женщин (А)	Показатели для мужчин (В)	Отношение А к В
Экономическая активность и возможности	120	0,568	—	—	—
Степень экономической активности	80	0,768	54,8 %	71,4 %	0,77
Равенство в оплате труда	83	0,619	—	—	—
Уровень доходов	98	0,583	31,05 тыс. долл.	53,24 тыс. долл.	0,58
Доля среди юристов, высших должностных лиц, менеджеров	130	0,171	14,65 %	85,35 %	0,17
Доля среди специалистов и инженерно-технических работников (2017)	101	0,654	39,5 %	60,5 %	0,65

Источник: The Global Gender Gap Report 2024, p.219 // World Economic Forum. URL: http://www.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Последняя правая колонка в таблице показывает, насколько велико расстояние до полного равенства, т. е. до 1. Очевидно, что наиболее долгий путь Японии предстоит пройти для достижения равенства по доле женщин среди высших должностных лиц (если это вообще возможно).

Более конкретно о позициях женщин в японской экономике позволяют судить данные табл. 2, отражающие структуру занятости в японской экономике в гендерном разрезе.

Хотела бы обратить ваше внимание на следующие моменты.

Во-первых, на позиции женщин в категории «самозанятые». В нее включаются как индивидуальные предприниматели, так и владельцы предприятий, главным образом — мелких и средних. Доля женщин среди лиц этой категории составляет 28 % (порядка 1 млн 400 тыс.). То есть бизнесом в Японии занимаются преимущественно мужчины.

Во-вторых, на различия в формах занятости между мужчинами и женщинами. Около 90 % мужчин и более 90 % (93 %) женщин работают по найму. Но при этом среди мужчин постоянными работниками являются более 3/4 (76,3 %), а среди женщин — менее половины (47 %). И если в общем числе постоянных работников почти 2/3 составляют мужчины, а женщины — немногим более 1/3, то среди непостоянных работников соотношение между ними прямо противополо-

Таблица 2. Структура занятых в экономике (2022 г.)

Формы занятости	Всего		Мужчины		Женщины	
	численность, тыс. чел.	доля %	численность, тыс. чел.	доля %	численность, тыс. чел.	доля %
Самозанятые	5108	7,6	3713	10,1	13 950	4,6
Работники семейных фирм	1018	1,5	221	0,6	796	2,6
Наемные работники, в том числе:	60 772	90,8	32 677	89,3	28 095	92,8
Высшие управленцы	3547	5,3	2637	7,2	910	3,0
Прочие наемные работники, в том числе:	57 225	85,5	30 640	82,1	27 185	89,8
постоянные работники	36 115	54,0	23 398	63,2	12 717	47,0
непостоянные работники, в том числе:	21 110	31,6	6642	18,1	14 468	47,8
пато, 10365	15,5	1264	3.5	9101	30,0	
Арубайто	4314	6,4	2147	5,9	2167	7,2
прочие формы непостоянной занятости	6432	9,6	3232	8,8	3200	10,5
Всего занятых	67 060	100,0	36706	100,0	30 354	100,0

Составлено по: Employment Status Survey 2022, table 2-1 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/shugyou/index.html> (дата обращения: 22.09.2024).

ложное: почти 70 % составляют женщины и лишь немногим более 30 % — мужчины.

В-третьих, на позиции женщин среди высших управленцев. Порядка 900 тыс. женщин занимают эти должности, но в общем числе высших управленцев их доля составляет лишь 1/4. То есть эта область деятельности является прерогативой мужчин.

Известно, какой водораздел пролегает в Японии между постоянной и непостоянной занятостью, т. е. очевидно, что в этом плане японский рынок труда гораздо более благожелателен к мужчинам, чем к женщинам. Но даже среди женщин, получивших место постоянного работника, мало кому удастся продвигаться по служебной лестнице в том же темпе, что и их сослуживцы-мужчины. Это связано с различиями в карьерных возможностях. Хорошо известно, что после принятия в 1986 г. Закона о равных правах при найме компании разделили постоянную работу на два вида — *согосёку* (управленца и специалиста), предназначенный главным образом для мужчин и предусматривающий карьерный рост, и *иппансёку* (офисного работника), предназначенный преимущественно женщинам, с гораздо более скромными возможностями для профессионального роста. Кроме того, выйдя замуж и родив ребенка, многие женщины оставляют работу и даже если по прошествии ряда лет возвращаются на места постоянных работников, то с ощутимыми потерями в карьерном темпе. Ведь из-за выпадения на дол-

гое время из системы внутрифирменной подготовки, необходимой для продвижения по службе в японских компаниях, они оказываются намного позади своих коллег-мужчин.

Гендерные различия в возможностях карьерного роста отражают различия в динамике заработной платы (табл. 3).

Таблица 3. Среднемесячная заработная плата постоянных работников разного уровня образования (тыс. иен, 2023 г.)

Возрастные группы	Высшая ступень средней школы		Среднее специальное образование		Университет	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
До 19 лет	202,7	212,8	—	—	—	—
20—24	—	—	241,9	253,3	256,3	266,1
50—59	284,7	409,0	349,9	482,1	447,1	555,3

Источник: Basic Survey on Wage Structure 2023 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-1/ordinary2020.html> (дата обращения: 05.01.2025).

Как показывают данные таблицы, женщины, имеющие то же образование, что и мужчины, существенно уступают им как по уровню заработной платы, так и по степени ее возрастания по мере увеличения стажа работы. Причем гендерные различия в оплате труда закладываются еще в самом начале трудовой карьеры и становятся более значительными по мере перехода от молодых возрастных когорт к старшим. Так, в абсолютном выражении разрыв в заработной плате по категории работников, закончивших высшую ступень средней школы, составляет 10,1 тыс. иен в самой молодой когорте и достигает 124,3 тыс. иен в когорте 55—59 лет (когда работники японских компаний получают наиболее высокую зарплату). Для лиц, имеющих среднее специальное образование, разрыв увеличивается с 11,4 тыс. иен до 132,2 тыс. иен, а для обладателей университетских дипломов — с 9,8 тыс. иен до 108,2 тыс. иен.

Конечно, гендерные различия просматриваются и в отношении отраслевой структуры занятости, при этом многие из них вполне естественны. Так, более 30 % мужчин заняты в обрабатывающей промышленности и строительстве, а в сфере медицины и социального обеспечения — лишь немногим более 6 %. Среди женщин без малого четверть работают в системе медицинского обслуживания и социального обеспечения (в основном в качестве медсестер, работников системы услуг долговременного ухода), а почти 1/3 — в сфере торговли, общественного питания и бытовых услуг. Что касается образования, то среди воспитателей и педагогов дошкольного и школьного образования преобладают женщины, а в системе высшего образования, напротив, преобладают мужчины.

В отличие от отраслевой структуры занятости женщин в профессиональной структуре просматриваются черты, отражающие влияние гендерного неравенства. Так, почти 30 % японок работают клерками, 12 % — продавцами, 18 % являются работниками сферы услуг. Лишь порядка 20 % работающих японок относятся к «высшей касте» — специалистов и инженеров, и менее 1 % занимают

должности администраторов и менеджеров. Но при этом более 7 % женщин заняты неквалифицированным трудом (уборщиц, упаковщиц и т. д.).

Поскольку вопросам брака, семьи, работы был посвящен летний семинар, я лишь напомню, что одной из главных причин, сдерживающих более полноценное участие женщин в экономике, является невозможность для многих из них сочетать работу с большим объемом домашних дел, прежде всего, связанных с воспитанием детей.

Долгое время график, описывающий модель занятости японок, имел форму буквы М с резким провалом доли работающих женщин в возрасте 30—39 лет, на который как раз и приходится замужество, рождение и воспитанию детей. К настоящему времени благодаря целому ряду стимулирующих мер, принятых в рамках *вименомики*, форма этого графика сгладилась и стала напоминать спину лошади. В 2022 г. доля занятых среди женщин 30—39 лет составила порядка 80 %, т. е. оказалась лишь на несколько процентных пунктов ниже, чем в когорте 25—29 лет. Но проблема состоит в том, что после 30 лет резко уходит вниз линия, отражающая долю постоянных работников среди работающих женщин. Если в возрасте 25—29 лет (т. е. до вступления в брак) 60 % работающих женщин являются постоянными работниками, то в возрасте 30—34 года — 48,3 %, 35—39 лет — 40,2 %, и далее этот показатель продолжает снижаться¹.

С экономической точки зрения такая структура занятости японских женщин означает, что общество несет значительные потери от недоиспользования их потенциала, особенно тех из них, кто получил высшее образование, при том, что все это происходит в условиях острой нехватки рабочей силы в стране.

Японское правительство никак нельзя упрекнуть в бездействии. После принятия в 1986 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу (а также при продвижении, обучении и т. д.) вступил в силу еще целый ряд поправок и законов, направленных на улучшение условий труда женщин и создание возможностей для совмещения ими работы и домашних обязанностей. Поскольку это вопрос также рассматривался на летнем семинаре, я лишь упомяну об одном из последних нововведений. В 2022 г. было принято постановление, обязывающее все предприятия с числом занятых свыше 300 человек размещать в открытом доступе подробную информацию о позициях, которые занимают в их фирмах женщины, о мерах, предпринимаемых для сглаживания гендерного неравенства, и даже о причинах разрыва в заработной плате между женщинами и мужчинами.

Понимая, что в ближайшие годы ситуация вряд ли изменится, правительство предпринимает меры с тем, чтобы сделать сферу непостоянной занятости более привлекательной. Прежде всего, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввел механизм перевода работников с фиксированным сроком контракта (т. е. непостоянно занятых) в категорию работников с открытым сроком контракта (т. е. постоянно занятых). Условием такого перевода является неоднократное возобновление временного контракта при общем

¹ The White Paper on Gender Equality 2023, p.23 // Cabinet Office. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

сроке работы в компании не менее пяти лет. Кроме того, в закон было внесено положение, обязывающее предпринимателей обеспечивать для непостоянных работников такие же условия труда, что и для постоянных работников. В июне 2018 г. это положение было конкретизировано, а именно было законодательно зафиксировано требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников

Конечно, радикальных изменений в этой области пока не произошло, и вряд ли они возможны в силу особого подхода японских компаний к оценке труда (при котором учитываются не только и не столько его конкретные результаты, сколько стаж работника, его дисциплинированность, преданность фирме, готовность работать сверхурочно и т. д.). Но, тем не менее, в условиях нехватки рабочей силы заработная плата непостоянных работников постепенно растет.

Еще одним важным шагом в улучшении положения непостоянных работников стало расширение доступа к системе пенсионного и медицинского страхования. С октября 2016 г. она была распространена на *пато* (частично занятых), работающих на предприятиях с числом занятых более 500, а с апреля 2017 г. — и на предприятиях с числом занятых менее 500 человек (во втором случае — по соглашению между менеджментом и работниками).

В заключение я хотела бы кратко затронуть еще один вопрос, который был предложен для обсуждения на семинаре — вопрос о женском предпринимательстве.

Как уже отмечалось, предпринимательством в Японии занимаются порядка 1 млн 400 тыс. женщин. Объективную основу для развития женского бизнеса создают два основных фактора: сервисизация японской экономики и все большая индивидуализация потребительского спроса. В результате на рынке возникают ниши, которые с успехом заполняют женщины.

В отличие от мужчин, к организации бизнеса женщины подходят скорее с позиций потребителей, чем производителей. Если мужчины, открывая предприятие, опираются на свой производственный опыт, то женщины — на свой опыт в качестве потребителей. И часто их подталкивает к этому неудовлетворенность теми или иными характеристиками товаров и услуг, с которыми они сталкиваются (их непрактичность, непривлекательность и т. д.).

Женский бизнес гораздо менее амбициозен и агрессивен, чем мужской, особенно, если предпринимательницы имеют семьи. С оглядкой на свои семейные обязанности женщины часто сознательно ограничивают масштабы бизнеса, даже если он успешен. Они стремятся найти оптимальный баланс между бизнесом и семейными обязанностями с тем, чтобы не разрушить ни то, ни другое.

Женскому предпринимательству присуща ориентация на узкоспециализированные рынки (например, на определенную категорию потребителей или на жителей определенного района). А из этого вытекают и особенности изучения рынка, и особенности рекламы. Главным источником информации и главным инструментом рекламы здесь являются *кутикоми* (разговоры).

Женское предпринимательство отличается также более гибким подходом к управлению персоналом. Если в обычных японских компаниях лишь в самые последние годы женщины, имеющие детей, получили право требовать перевода на

гибкий график работы, то в компаниях женщин-предпринимательниц это обычная практика (включая возможность работы на дому). Заработная плата здесь не привязана к стажу, оплачивается реальный труд, высоко ценится профессионализм. Наконец, женские предприятия отличает повышенное внимание к персоналу (что проявляется, например, в отправке цветов по случаю разного рода событий и т. д.).

Иными словами, женские предприятия можно назвать «предприятиями с человеческим лицом». На этом позвольте закончить мое выступление.

С.М. Ребрей

Считается, что современное положение женщин в Японии обусловлено традициями и историей. Однако не столь далекая история ранней индустриализации Японии в конце XIX — начале XX в. свидетельствует о широкомасштабном использовании женского и детского труда, преимущественно девочек 8 лет и старше. Японский опыт не уникален. Индустриализация традиционно зарождалась в легкой промышленности, где требовался неквалифицированный монотонный труд, с которым прекрасно справлялись детские и женские руки. В Японии женская рабочая сила составляла 80—95 % в шелковой, хлопковой, текстильной, табачной и других отраслях промышленности. Всего на ранних этапах индустриализации трудилось более 500 тыс. женщин.

В отсутствие трудового законодательства девочки и женщины трудились в невыносимых условиях. С 8—9 лет они жили в общежитиях по 15—20 человек в комнате, где царило насилие, включая психологическое, физическое и сексуальное, депривация сна и общения. Многообразие форм жесткого обращения с девочками в шелковой и текстильной промышленности запечатлено в книге Вакидзо Хосои «Дзё:ко: Айси» («Печальная история фабричной девушки», 1925). Сохранились и нехудожественные свидетельства тяжелых условий труда. Например, японский врач в своих дневниках так описывает ночные смены на хлопкопрядильной фабрике Курасики: «Работали только девушки... Им было по 9 или 10 лет... Веретена находились у них на уровне глаз. И густая пыль наполняла воздух... Почти тюрьма».

Тем не менее, сами японки не считали свою участь ужасной, особенно в сравнении с жизнью своих матерей. Они считали, что живут гораздо лучше предыдущих поколений. Девушки размышляли о страданиях своих матерей и видели, что их страдания усугубляло абсолютное послушание. Женщины, которые жили в доме свекрови, не имели возможности даже плакать:

Когда женщина выходит замуж, она не может позволить себе плакать. Если она плачет в своей постели, ее сразу находят и стыдят. Если она плачет в туалете, ее свекровь жалуется, что она слишком долго там сидит. Если по лицу видно, что она плакала, ее свекровь сплетничает о ней с соседками. Если она плачет перед своими родителями, навещая их раз в год, родители ругают ее за то, что она глупая и незрелая.

Участие в оплачиваемом труде для девочек и женщин стало важнейшим фактором обретения агентности: переезд из деревни в город, то есть за пределы контроля со стороны родителей или свекрови, собственный заработок, — все это быстро привело к возникновению женских движений и весьма крупных (и результативных) женских забастовок.

Более того, девушки увидели, что забастовки и требования улучшения условий труда на самом деле работают даже лучше, чем послушание. Еще в конце XIX в. японские девушки производили на американского наблюдателя впечатление безропотных созданий: «Японская девушка, кажется, не стремится все время к увеличению заработной платы из-за возрастающей нагрузки. Кажется, она довольна тем, что считается разумной заработной платой». Но уже в 1930-е гг. их требования достойных условий труда выливаются в широкомасштабные забастовки. Одной из самых известных стала забастовка на фабрике Тойо Муслин, которая продолжалась более 60 дней с участием тысячи женщин.

Формирование женской осознанности проявляется в создании различных организаций, таких как Пролетарская женская лига (*Мусан фудзин домэй*) и Вечерняя школа женщин-работниц. В ходе деятельности таких организаций в жизни женщин появились новые сферы — социальная и политическая. Однако новые социальные роли уступали роли матери — и правительство, и феминистки признавали, что материнство является главным приоритетом для женщин. Таким образом, ограничение трудовых прав женщин рассматривалось не как их закрепощение, а, напротив, как спасение.

Формирование трудового законодательства и достойных условий труда заняло длительный период, с конца XIX в. до Второй мировой войны, и на него повлияли социальные, политические, экономические и технологические факторы. Эксплуатация дешевой рабочей силы без ограничений рабочего времени была важным фактором индустриализации Японии и конкурентоспособности японской продукции. Усложнение производства требовало повышения квалификации сотрудников. В сочетании с введением трудового законодательства это привело к закреплению традиционного гендерного разделения труда. Правительство и интеллигенция стремились защитить женское здоровье от тяжелых нагрузок. В результате женщины оказались исключены из оформившейся после Второй мировой войны системы пожизненного найма.

Система пожизненного найма не только была нацелена на удовлетворение потребностей индустриализации и повышения конкурентоспособности японской экономики, но и на удовлетворение потребностей семьи: традиционное гендерное разделение труда позволило бы повторить модель семьи американского среднего класса с работающим мужем, женой — домохозяйкой, несколькими детьми и домом в пригороде. Оплата труда растет в соответствии с выслугой лет, что позволяет удовлетворять нужды растущей семьи и подростков детей, сохраняя уверенность в будущем. С другой стороны, японский менеджмент подразумевает полную преданность сотрудников своим компаниям, что включает частые переработки, переезды при необходимости и пр.

В 1961 г. был принят закон в сфере налогообложения, стимулирующий снижение женского заработка: если супруга в год зарабатывает менее 1,3 млн иен, то

налогооблагаемый доход мужа уменьшается на 380 тыс. иен. В результате многие женщины, стараясь сберечь семейный бюджет, не претендуют на более высокую зарплату. С 1985 г. в соответствии с изменениями в системе социального страхования зависимые члены семьи включаются в медицинскую страховку и систему пенсионных накоплений мужа-работника в системе пожизненного найма. Таким образом, эти меры закрепляют традиционные гендерные роли.

Несмотря на рост экономики и общественного благосостояния и формирование среднего класса рождаемость продолжала падать: уже в 1975 г. суммарный коэффициент рождаемости составил меньше 2. Следствием этого становится дефицит рабочей силы.

Тем временем на Западе разворачивается мощное общественное движение за женские права, приобретая глобальный масштаб в форме международных женских конференций, проводившихся с 1975 г. 1975 год был объявлен Годом женщин, а последующее десятилетие — Десятилетием женщин, что стимулировало развитие женских исследований, в том числе и в Японии.

Самая высокая продолжительность жизни (почти 80 лет) японок и низкая рождаемость означала, что «жизнь японок теперь не ограничивается заботой о детях и домашним трудом».

Интенсификация экономики в результате постиндустриализации, нефтяных и экологических кризисов привлекает еще больше внимания властей к качеству рабочей силы, поэтому повышение женского образования становится национальной повесткой. В 1980-е гг. всего 12,2 % женщин (и 39,3 % мужчин) получают высшее образование, из них 69,2 % выходят на рынки труда. Чаще женщины предпочитали 2-летние колледжи (20,9 %, против 2,1 % среди юношей) и подавляющее большинство из них также выходили на рынок труда (78,1 %). Считалось, что после замужества женщины бросают работу и посвящают себя домашнему хозяйству, однако статистика свидетельствует об обратном: более половины (50,3 %) замужних женщин в 1984 г. были трудоустроены.

В 1986 г. японское правительство принимает первый Закон о равных возможностях в сфере занятости, обязующий предоставлять равные права женщинам и мужчинам в сфере найма. Такой закон не только должен был продемонстрировать приверженность Японии западным ценностям, но и решить проблему дефицита рабочей силы. Но корпорации разделили персонал на 2 категории: выполняющих *согосёку* (комплексную работу) и занимающихся *инпансёку* (административно-технической работой). В первую категорию вошли преимущественно мужчины, а во вторую женщины на административно-технических должностях с более низкой заработной платой и без преимуществ пожизненного найма, таких как продвижение по карьерной лестнице, оплата труда в соответствии с выслугой лет, ротация, бонусы и обучение.

В середине 1990-х японское правительство начинает осознавать, что экономический спад — это не только и не столько результат краха экономики «мыльного пузыря», а проявление глубокого структурного кризиса в результате экономических и демографических процессов, включая старение населения, транснационализацию производства и формирование экономики знаний. В 1994 г., то есть за год до Пекинской конференции, Япония переходит к продвижению ген-

дерного равенства. Это важный водораздел, потому что происходит осознание глубины феномена неравенства, того, что это проблема структурного, институционального характера, разделения неоплачиваемого домашнего труда между женщинами и мужчинами. Начинают приниматься регулярные планы по достижению гендерного равенства с 1996 г. и публиковаться White Papers. В центре этих планов и политики по достижению гендерного равенства находится агентность японских женщин. Более того, правительство увеличивает местные налоговые субсидии на расходы на расширение прав и возможностей женщин, министерства и ведомства проводят кампании по повышению осведомленности о дискриминации женщин и гендерном неравенстве.

Таким образом, гендерная политика в Японии имеет три движущие силы: во-первых, это сами женщины, объединившиеся под эгидой Национального образовательного центра для женщин, где они изучают проблемы и факторы гендерного неравенства и разрабатывают подходы и инструменты для его сокращения; во-вторых, это правительство Японии, которое видит в гендерном равенстве ключ к решению целого ряда глубоких структурных проблем японской экономики, включая низкие темпы роста, низкий уровень рождаемости и пр. и, в третьих, это западные тренды, способствующие масштабированию аналогичных процессов в Японии.

П.Э. Подалко

В 2009 г., по данным World Economic Forum (Швейцария), Япония занимала 75-е место в мире по показателю gender equality («равенства полов»). На 1-м месте в этом списке уверенно стояла Исландия, на последнем — Йемен. Среди стран Азии Японию опережали Филиппины (9-е место), Шри Ланка (16), Монголия (22), Киргизия (41), Казахстан (47), Узбекистан (58), Таиланд (59), КНР (60) и Вьетнам (71).

Семь лет спустя, ситуация выглядела на первый взгляд еще более угрожающей: по данным Global Gender Gap Report 2016, с точки зрения женского равноправия, Япония оказалась уже на 111-м месте среди 144 стран и регионов, упомянутых в этом докладе. Тогда же, согласно другому опросу, о самоубийстве когда-либо задумывались 25,6 % японских женщин, и только 21,45 % мужчин. Данные цифры настолько не вяжутся с общепринятым имиджем Японии как «страны будущего», всемирного центра передовых технологий, и вместе с тем уникального островка сохранений национальной традиции (вопреки общемировой тенденции на глобализацию и уравнивание всего и вся), что невольно возникает вопрос: так ли в действительности тяжела и беспросветна жизнь японских женщин, что сами они думают об участии «современной женщины Востока»? К счастью, реальная ситуация выглядит на текущий момент не столь пессимистичной, как может показаться на первый взгляд.

Так, отвечая на вопрос, хотели бы они в случае вторичного рождения сохранить женский пол, в 2013 г. 71 % участниц опроса дали положительный ответ (для сравнения: в 1958 г. таких было всего 27 %). При этом 61 % тех, кто хотел бы

иметь детей, выразили желание иметь «при повторном рождении» не сына, а дочку, т. е. еще одну «маленькую женщину» рядом с собой. Подобный ответ влечет за собой желание подробнее разобраться в гендерной ситуации современного японского общества, что и вызвало подготовку данного доклада.

Один из часто задаваемых иностранцами вопросов, касающихся японской семьи — это почему у супругов должна быть одинаковая фамилия. В эпоху Эдо носить родовые фамилии было разрешено лишь самураям и другим привилегированным сословиям. На широкие массы населения это правило распространилось с 1870 г. В 1876 г. правительство издало указ, разрешающий женщинам, состоящим в браке, сохранять и использовать добрачную фамилию. Однако, указ 1876 г. не имел утверждающей силы, а лишь зафиксировал распространенную тогда практику, наряду с традицией присвоения обоим супругам одинаковой фамилии. Впервые требование наличия у супругов одинаковой фамилии было законодательно закреплено в Гражданском Кодексе в 1898 г. Им вводилось понятие «дом» (*кэ*) как единица посемейных регистрационных списков (*косэки*), и провозглашалось, что «жена, вступая в брак, входит в дом мужа». При этом фамилия (*сэй*) обозначала дом, и жена, как правило, приходила в дом мужа (а не наоборот).

В 1946 г. была принята новая японская Конституция, провозглашавшая «уважение прав личности и равенство мужчин и женщин». В 1948 г. новый Гражданский кодекс отменил прежние ограничения прав женщин в семье. Отныне брак становился результатом «согласия между мужем и женой», а не «между двумя домами». Теперь супруги образовывали новую ячейку общества, и им присваивалась в качестве общей одна фамилия — добрачная мужа, либо жены. В то же время само положение о присвоении общей фамилии пересмотру не подвергалось, и можно заключить, что влияние старой традиции и уже отмененной структуры семейных отношений в значительной степени сохранялось и впредь, что проявляется, в частности, в том, что подавляющее большинство женщин берет при вступлении в брак фамилию мужа.

В 1985 г. был принят закон о равноправии при найме на работу и иных формах трудоустройства мужчин и женщин. В том же году Япония ратифицировала Конвенцию ООН о запрете женской дискриминации, и встала перед необходимостью пересмотра ряда законов и положений, относящихся к ограничению прав женщин. В феврале 1996 г. Комитетом по законодательству (*Хосэйсин*) (консультативный орган при министерстве юстиции) министру юстиции были направлены рекомендации о предоставлении права супругам иметь в браке отдельные фамилии, отмене временного ограничения на вступление в повторный брак для женщин, и отмене дискриминационных мер в отношении прав детей, рожденных вне брака, на наследование ими имущества родителей. Однако в руководстве правящей Либерально-демократической партии возникло мощное противодействие этим предложениям, и в итоге законопроект не был даже представлен на рассмотрение парламента. В 2010 г., уже во времена правления Демократической партии Японии, этот проект вновь рассматривался правительством, но и в этот раз никакого развития он не получил. Следует отметить, что подобная ситуация, когда проект, составленный Комитетом по законодательству, даже не

доходит до стадии оформления в качестве законопроекта, является для Японии редкой и необычной.

По данным Министерства труда и здравоохранения за 2013 г., при вступлении в брак фамилию мужа выбрали 96,1 % пар, что на 2,7 % ниже, чем в 1975 г., когда такой подсчет проводился впервые. Что касается ограничения прав на наследование имущества родителей детьми, рожденными вне брака, то в 2013 г. Верховный суд признал данную статью Гражданского кодекса «неконституционной», и она была исправлена. Относительно же права на ношение разных фамилий, в настоящий момент ничего изменить нельзя до тех пор, пока не будет принято аналогичного решения Верховного суда.

16 декабря 2015 г. Верховный суд Японии вынес следующие решения в отношении двух исков, поданных соответственно: 1) по вопросу обязательного присвоения обоим супругам при вступлении их в брак одинаковой фамилии, и 2) по вопросу о запрете повторного вступления в брак разведенным женщинам до истечения определенного срока с момента расторжения предыдущего брака: в первом случае ограничение было признано «конституционным», а во втором — «частично неконституционным». Оба иска впервые рассматривались Верховным судом, и следует отметить, что признание второго иска «неконституционным» явилось всего лишь десятым случаем подобного рода за весь послевоенный период. Голосование зафиксировало единогласие членов Верховного суда по второму вопросу, и подавляющее большинство голосовавших положительно по первому: 10 человек против 5 человек (из них 3 — женщины). В решении суда подчеркивается, что коль скоро 750-я статья Гражданского Кодекса (*минпо:*) предоставляет равное право обоим супругам участвовать в выборе общей фамилии, «в этом положении отсутствует какое-либо дискриминирование того или иного пола». Напротив, наличие общей фамилии «обозначает принадлежность носителя к данной конкретной семье, информируя об этом окружающих», а ширящаяся популярность применения добрачной фамилии в быту и т. д., смягчает неудобство от смены фамилии». Что же касается параграфа 1-го статьи 733-й, ограничивающего срок вступления в повторный брак, то по данному вопросу принята рекомендация сократить период запрета на повторный брак для женщин с 6 месяцев (180 дней) до 100 дней с момента развода, ввиду того, что действующее ограничение стало «чрезмерным в условиях развития медицинской техники». В тот же день министр юстиции издал постановление о разрешении приема брачных заявлений у граждан по истечении 100-дневного срока с момента развода.

В настоящее время около 60 % замужних работающих женщин повседневно используют добрачную фамилию, указывают ее на визитных карточках, служебных бумагах и т. д. Аналогичная ситуация существует и у работающих мужчин, выбравших себе в качестве официальной девичью фамилию жены. По состоянию на 2013 г., 64,5 % малых и средних предприятий допускают использование сотрудниками добрачных фамилий (в 1993 г. этот показатель составлял 13,2 %). Государственные организации также с 2001 г. признают за служащими право на использование добрачных фамилий. Однако, применительно к врачам и медсестрам в этом вопросе существует определенное противоречие. С одной стороны, они также обязаны регистрировать все изменения своих имен и фамилий так,

как записано в посемейных регистрационных списках (*косэки*). Однако за нарушение этого требования конкретных наказаний не предусмотрено, что позволяет предположить возможное использования добрачных фамилий и в этой отрасли. В целом же, использование добрачной фамилии допускается при оформлении: паспортов, прописки (регистрации по месту происхождения *косэки*), банковского счета, услугах адвоката, на частных предприятиях и в госучреждениях; и запрещается при оформлении: водительских прав, регистрации по месту жительства (*дзюминхё*), личного регистрационного номера (*майнамба*), медицинского полиса и в работе медперсонала (врач, медсестра, и пр.).

Во избежание неясности и проблемы установления отцовства в случае рождения ребенка вскоре после развода супругов и вступления женщины в новый брак, в 1898 г. был принят закон, согласно которому повторный брак для женщины был разрешен только по истечении 180 дней с момента оформления ею развода с прежним мужем. В 1996 г. было предложено сократить этот срок до 100 дней, но так как данное предложение было внесено на пересмотр в едином пакете с предложением по отмене обязательного ношения супругами единой фамилии, то отрицательное отношение ко второму предложению повлияло и на результат по первому. Аналогичные ограничения для женщин на время вступления в новый брак существовали и в других странах Европы (в Италии — 300 дней) и Азии (Турция — 300 дней), но в последнее время эти страны одна за другой отменяют подобные меры. Так, Германия и Швейцария сделали это в 1998 г., а Республика Корея — в 2005 г. (здесь было, как и в Японии, 180 дней).

В 1950 г. стандартная японская семья состояла из 5 человек; в 2010 г. этот показатель равен 2,42 человек, т. е. произошло сокращение более чем вдвое за 60 лет. Одновременно произошел резкий рост числа одиноких домохозяев (*хитори-гураси сэтай*). Если в 1960 г. их насчитывалось менее 5 % от общего числа домохозяев, то в 2010 году — 32 %. При этом хозяйства, состоящие из родителей с детьми, составляют всего 28 %, т. е. около 40 % от общего числа домохозяев — это бездетные супружеские пары. Если в 1960 г. на всю Японию приходилось всего 130 тыс. одиноких стариков, живущих самостоятельно, то в настоящее время их число достигло примерно 6 млн. На практике это означает, что одиноко проживают каждый десятый пожилой мужчина и каждая пятая пожилая женщина. Одновременно растет число неполных семей. Так, численность семей, состоящих из матери и ребенка в настоящее время достигла примерно 760 тыс., а семей, где ребенка воспитывает только отец — 90 тыс. По другим данным, в 2013 г., в Японии было 1,2 млн одиноких матерей (в 1973 г. — 626,2 тыс.), из которых 80 % официально где-то работали, но лишь менее 40 % из них имели полную ставку с положенными бенефициями. Хотя мать-одиночка имеет право на ежемесячное государственное пособие в 50 тыс. иен (до совершеннолетия ребенка), 54 % неполных семей в Японии проживают ниже уровня бедности. Последнее привело к тому, что возникла и стала постепенно распространяться система т. н. детских кафе, куда дети из бедных семей могут прийти поесть практически бесплатно, либо за символическую плату в виде помощи по уборке или мытью посуды. В 2017 г. таких кафе уже было около 400 по всей территории страны.

В последнее время выросло число заявлений от женщин-вдов, желающих официально оформить развод с покойным мужем. В 2013 г. таких заявлений было подано 2167, в 2014 г. — 2202, в 2015 г. — 2783, в 2016 г. — 4032 (удвоение за три года). В качестве основной причины называется отказ от обязанности содержать родственников покойного мужа до 3-го колена, как того требует обычай. Одновременно наблюдается рост числа отказов от захоронения в общей «семейной» могиле на родовом кладбище: в 2014 г. таких «отказников» было 12,6 % мужчин и 23,1 % женщин в возрасте 60—80 лет. Параллельно отмечается появление кладбищ, где отсутствуют правила семейных захоронений, называемых *ха-ка-томо*.

«Каким иероглифом вы обозначите свои супружеские отношения?» — под таким девизом проводит свои ежегодные опросы токийская фирма по организации туризма для старших возрастов «Юко-юко» («Поехали!»). В 2015 г. наибольшее число голосов собрал иероглиф *Томо* («друг, товарищ»), обогнав лидера предыдущих двух лет иероглиф *Нин* («терпение»). Опрос проводился среди людей старше 50 лет, состоящих в браке. Среди женских ответов иероглиф *Томо* занял первое место, а *Нин* — пятое. Среди мужских — на первом месте был иероглиф *Кидзуна* («связывать, объединять»), на третьем — *Нин* (в 2013 — 2-е, в 2014 — 1-е место). Не исключено, что эти изменения связаны с массовым выходом на пенсию послевоенного поколения «бэби-бумеров» (*данкай-но сэдай*), среди которых многие вступали в брак по любви. Так, число положительных ответов на вопрос «Если бы можно было все пережить с самого начала, хотели бы вы вновь вступить в брак с тем же партнером?» достигло 54 % (на 12 % больше, чем в 2014 г.). При этом доля положительных ответов среди тех, кому 50—59 лет — 49 %, 60—69 лет — 54 %, 70 и более лет — 60 %, т. е. налицо возрастание числа положительных ответов параллельно возрасту ответивших. На вопрос «Имеются ли у вас секреты от вашего партнера?» положительно ответили 23 % опрошенных (на 4 % меньше, чем в 2014 г.). Среди ответов о природе имеющихся секретов фигурируют такие, как «размер накоплений нашей семьи» (женщины в возрасте «за 60»), «размер полученного мной выходного пособия при уходе на пенсию» (мужчины в возрасте «за 60»).

Однако чем ниже возрастная планка отвечающих на всевозможные вопросы, касающиеся семьи и брака, тем тревожнее звучат получаемые ответы. Так, если в 1975 г. 14 % мужчин и 8 % женщин оставались холостыми до 35 лет, то в 2005 г., эти показатели достигли 47 % среди мужчин и 32 % среди женщин, что означает почти четырёхкратный рост доли холостых за 30 лет.

В 2010 г., количество людей, никогда не вступавших в брак, среди лиц до 50 лет составляло: среди мужчин — 20,13 %, среди женщин — 10,61 % от общего числа. В 1970 г. эти показатели равнялись 1,70 % и 3,33 % соответственно. В то же время специальное исследование по проблеме отношения к семье и браку в молодежной среде (2015), показало, что 77,7 % опрошенных лиц в возрасте 20—30 лет хотели бы вступить в брак. Среди причин, мешающих осуществлению этого желания, наиболее часто указывается невозможность встретить подходящего партнера.

В 2013 г. средний возраст женщины, рожавшей первого ребенка, составлял 30,4 года (в 2012 г. — 29,3 лет). В 2014 г. проводился опрос населения по проблемам брака и семьи среди холостых (оба пола, возраст 20—39 лет). На вопрос, хотят ли они иметь возлюбленного противоположного пола, положительных ответов было получено 60,8 %, отрицательных — 37,6 %; среди мужчин ответили отрицательно 36,2 %, среди женщин — 39,1 %. В качестве причин отрицательных ответов, назывались: «Любовь утомительна» (46,2 %), «Первоочередность личных интересов» (45,1 %), и т. п. Если в 1987 г. не имели партнера 50 % мужчин и 40 % женщин в возрасте 18—34 лет, то в 2015 г. таковых было уже 70 % и 60 % соответственно. По другим данным, в 2019 г. 68 % японцев старше 16 лет не считали брак в принципе необходимым (это — максимальный показатель с 1992 г.). Что же касается сексуальных отношений как таковых, то по данным ВОЗ и японской прессы, в начале 2010-х гг. частота интимных контактов в Японии составляла от 15 до 45 раз/год (в зависимости от возраста), тогда как в Китае максимум равнялся 96, а в Греции — 138 раз/год (1-е место в мире). При этом, 83 % мужчин и 58 % женщин в возрасте 20—40 лет отмечали, что им не хватает секса, и 40 % мужчин и 55 % женщин обращались в сферу сексуальных услуг. Вместе с тем в 2014 г. 45 % семейных пар де-факто не вели регулярную половую жизнь, поддерживая отношения по типу «брат-сестра».

Следует отметить, что отношения полов в Японии имеют свою специфику, малопонятную для россиян. Например, около трети детей 8—10 лет регулярно принимают ванну с родителем противоположного пола, а в общественных банях и спа (*онсэн*) разрешено посещение отделений для лиц противоположного пола детьми до 7 лет и/или имеющих рост до 120 см. Несмотря на то, что раздельная социализация мальчиков и девочек в учебных заведениях начинается очень рано, в большинстве начальных школ отсутствуют раздельные раздевалки, и вплоть до 4 класса (10 лет) все дети переодеваются в одном помещении.

Несколько слов по вопросу о роли и месте женщин в общественно-политической и экономической элите страны. 5 февраля 2000 г., госпожа Ота Фусаэ возглавила префектуру Осака, став первой в истории страны женщиной-губернатором. Формально она была избрана демократическим голосованием, но на деле ее кандидатура была предложена «сверху», по итогам политического скандала с сексуальным подтекстом. Так или иначе, начало продвижению женщин на самый верх власти было положено. В 2001 г. главой МИД была назначена Танака Макико, дочь известного политика 1970-х гг. Будучи первой женщиной на таком высоком посту, она немедленно привлекла к себе всеобщее внимание, как внутри Японии, так и за рубежом. К сожалению, М. Танака оказалась на деле «анти-примером» того, как должна себя вести женщина во власти, что и вызвало ее скорую отставку.

В апреле 2016 г. вступил в действие закон, согласно которому отныне все крупные предприятия (свыше 300 работников), а также государственные, муниципальные и местные органы власти и иные организации обязывались увеличивать долю женщин в своем штатном расписании, способствуя их большей вовлеченности в производственный процесс. Однако за несоблюдение данного закона никаких карательных санкций не предусматривалось, а для малых и средних пред-

приятий и организаций он и вовсе носил сугубо рекомендательный характер. Одновременно правительством был провозглашен курс на доведение уровня представительства женщин на руководящих постах, начиная с начальника отдела (*катё*) и выше, до 30 % к 2020 г. Однако уже первое подведение промежуточных итогов весной 2017 г., показало, что озвученные установки оказались неоправданно завышены, и достижение названной цифры в указанные сроки не представляется возможным. Так, спустя год после ввода нового закона, в апреле 2017 г. число женщин на руководящих постах составило 8,3 % от общего числа, при этом на самых высоких постах (член совета директоров и т. п.) их было всего 5,5 %, а общее число женщин — сотрудников компаний с полной занятостью достигло 24,7 % от общего числа работников компаний. То есть, постановка задачи относительно занятия женщинами 30 % руководящих постов в компаниях, при общей доле женщин-сотрудников всего в 24 % с небольшим, не имела под собой никаких оснований.

В 2017 г., перед выборами в нижнюю палату парламента, число женщин-кандидатов (209) от разных партий достигло в совокупности 17,71 % от общего числа кандидатов (1180), что стало наибольшим показателем в послевоенной истории Японии. При этом следует отметить, что максимальное количество женщин-кандидатов в депутаты (58 человек — свыше четверти от общего числа) выставила Коммунистическая партия Японии.

Летом 2018 г., японское общество было шокировано публикациями в центральной прессе фактов о намеренном занижении девушкам оценок на вступительных экзаменах в Токийский медуниверситет (ТМУ) и иных формах дискриминации во время проведения приемных экзаменов. Поводом стала проверка Министерством образования случаев коррупции при госфинансировании частных университетов. В ходе расследования открылось, что в течение как минимум десяти лет в ТМУ систематически осуществлялась дискриминация девушек на вступительных экзаменах. В качестве предлога выдвигалось то, что брак и рождение детей якобы неизбежно ведут к сокращению числа женщин-врачей в клиниках, и единственная возможность избежать в будущем нехватки специалистов — отсечь потенциальных «дезертиров» уже на стадии поступления.

В итоге руководство ТМУ признало, что начиная с 2006 г. в отношении всех девушек, а также юношей, которые поступали в университет со второй или третьей попытки (*ронин*), осуществлялось планомерное занижение оценок на вступительных экзаменах. Руководство ТМУ выразило свое сожаление в адрес пострадавших, и после официального признания фактов дискриминации выдвинуло женщину на пост ректора ТМУ — впервые в истории этого университета. Тогда же газета «Ёмиури» провела самостоятельное анкетирование вузов, где имеются медицинские факультеты (81 вуз), в ходе которого выяснилось, что процент зачисления на первый курс юношей везде превышает количество зачисляемых девушек. В то же время нельзя не признать, что угроза выбывания женщин-врачей из профессии действительно существует. Так, если в возрасте до 30 лет доля женщин-врачей составляет 34,6 % от общего числа, то в возрастной группе старше 50 лет она падает до 15 %, то есть «кадровый голод» среди медперсонала старших возрастов является реальной проблемой.

В прежние времена, выходя замуж, японка автоматически становилась домохозяйкой, отвечающей за быт и воспитание потомства. Во многом этот подход сохраняет свои позиции и в наши дни: так, в 2015 г., свыше 60 % женщин бросали работу после рождения первого ребенка. Вместе с тем, количество неработающих домохозяек, желающих работать, достигло 3 млн человек, а общее число семей, где работают оба супруга (*томо-батарак*), уже в 1990-х гг. превысило число семей с одним работником. В 2020 г. работали 77 % женщин в возрасте 25—44 лет, и 13 % мужей брали отпуск по уходу за новорожденным, чтобы помочь работающей жене (в 2014 г. таковых было всего 2,3 %). Среднее время, затрачиваемое мужем на помощь по дому и уходу за детьми, выросло за шесть лет в два с лишним раза (с 67 до 150 минут в день). Правда, готовность женщин работать оплачивается куда хуже, чем труд мужчин. Если стартовый годовой доход выпускников вузов почти одинаков у обоих полов (в 2008 г. — 2, 65 млн иен у юношей, 2, 34 млн иен у девушек), то на пике карьеры (50 лет) разрыв между ними огромен, и, разумеется, в пользу мужчин (6 млн иен против 2,7 млн иен).

Казалось бы, при таких невысоких доходах брак можно было бы рассматривать как способ укрепления своего материального положения, однако 56 % одиноких женщин в возрасте «40+» вступать в брак принципиально не хотят — притом, что 75 % одиноких мужчин из той же возрастной группы, напротив, хотели бы иметь семью.

Начата полтора века назад Реставрация Мэйдзи, и вызванные ею промышленная и культурная модернизации, проводимые по западным образцам, способствовали обретению Японией подлинной национальной независимости, позволив ей избежать участи объекта колониальной экспансии, и самой войти в разряд «великих держав». После окончания Второй мировой войны Япония быстро перешла к союзу с недавними врагами и устремилась вперед по пути наращивания экономической мощи, целясь прямо в XXI в. Заполняя мир дешевой, удобной и качественной бытовой техникой и продукцией автомобилестроения, она полностью ушла от своего традиционного образа «страны гейш и хризантем, чайных домиков и вееров». Разумеется, все это не могло не повлиять на изменения внутри самого японского общества, на зарождение в нем новых мировоззренческих понятий, вызывающих изменение (а зачастую и ломку) традиционных ценностных ориентиров, которые формировали национальный характер и определяли «лицо» японского народа на протяжении большей части его истории.

Современный этап развития общества ставит перед населением любой страны ряд серьезных вызовов, и одним из главных среди них видится поиск ответа на следующие вопросы: чем можно, и чем нельзя поступиться на пути к построению глобального общества? до какого предела имеет смысл идти на уступки мировому тренду на космополитизацию сознания, в какой момент национальное должно (и должно ли?) уступить место интернациональному? Ни для кого не является секретом, что многие политические и социальные перемены современной Японии представляют собой банальную кальку с зарубежных (большей частью — западных) образцов, без учета национальных традиций и особенностей национального менталитета японцев. Результатом подобного стремления совместить несовместимое становятся все те неминуемые ошибки и перегибы, возникаю-

шие всякий раз, когда предельно индивидуализированный западный подход к решению любых проблем внедряется в азиатской стране с присущей ей внутренней социальной иерархией и коллективным мышлением.

В настоящее время японское общество переживает серьезный системный кризис, который проявляется в отходе от привычных ценностей, традиционно воспринимаемых как основа формирования японского социума: разрушается институт семьи, расширяется масштаб конфликтов между представителями разных поколений, наблюдается рост социальной апатии у молодых японцев ввиду отсутствия ясных, долгосрочных перспектив развития общества и государства. Давно назревшие реформы, прежде всего — в гуманитарной сфере (образование, идеология, культурная политика и т. д.), тормозятся по причине отсутствия у руководства четких представлений о том, куда, собственно, следует ориентировать направление этих самых реформ. Удастся ли руководству страны преодолеть собственную нерешительность и выработать такой курс на дальнейшую интеграцию Японии в мировое сообщество, который не привел бы одновременно к утрате национального содержания, покажет ближайшее будущее.

Поступила в редакцию: 14.04.2025
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 14 April 2025
Accepted: 23 April 2025